

Слово о страхѣ Божіемъ¹⁾.

*Бойся Бога и заповѣди Его храни—въ
этомъ все для человѣка. (Екклез., 12, 13).*

Мы только-что прослужали евангельскій рассказъ о страданіяхъ, крестной смерти и погребеніи нашего Спасителя. Смертный приговоръ надъ неповиннымъ Страдальцемъ былъ утвержденъ—мы слышали—тогдашнимъ правителемъ Іудеи Пилатомъ, который хотя и былъ убѣжденъ въ невинности Христа, тѣмъ не менѣе предать Его на распятіе. Что же заставило его рѣшиться на такой шагъ? Въ четвертомъ Евангеліи указано основное побужденіе, руководившее Пилатомъ въ данномъ случаѣ. Послѣ бесѣды съ Христомъ Спасителемъ, Пилать, окончательно убѣдившись въ Его невинности, искалъ отпустить Его, но Іудеи кричали: „если отпустишь Его, то ты не другъ кесарю“ (Ин. 19, 12), и этихъ устрашающихъ криковъ было довольно, чтобы снотать добрую волю Пилата: предаде Его имъ, да распнется (тамъ же, ст. 16). Страхъ впасть въ немилость кесаря и черезъ то лишиться земныхъ, временныхъ благъ, связанныхъ съ положеніемъ правителя цѣлой провинціи,—страхъ этотъ превозмогъ и ясныя, рѣшительныя требованія собственной совѣ-

¹⁾ Произнесено въ великой церкви Кіево Братскаго монастыря 13 февраля 1909 года, въ пятокъ первой седмицы великаго поста, при воспоминаніи Страстей Христовыхъ.

сти, и добрыя предостерегающія внушенія жены, убѣждавшей мужа не дѣлать ничего Праведнику тому: Пилать „взидѣ воды, и умылъ руки предъ народомъ, и сказалъ: невиновенъ я въ крови Праведника сего; смотрите вы. И отвѣчая весь народъ сказалъ: кровь Его на насъ и на дѣтихъ нашихъ. Тогда отпустить имъ Варавву, а Иисуса, бивъ, предать на распятіе“ (Мѡ. 27, 24—26). Пилать умылъ руки, но не смыла пролитая имъ вода имъ же прошитою Святѣйшей Крови съ его рукъ, подписавшихъ приговоръ, тягчайшій по своей несправедливости изъ всѣхъ приговоровъ, когда-либо постановлявшихся на судѣ человѣческомъ, и прошедшіе съ тѣхъ поръ вѣка не изгладили изъ человѣческой памяти воспоминавіи о томъ, кто утвердилъ своею властью роковой приговоръ: имя Пилата осталось навѣкъ связаннымъ съ актомъ преданія Безгрѣшнаго Страдальца на позорнѣйшую и мучительнѣйшую казнь, какую только могло изобрѣсти человѣческое воображеніе, находчивое—уны!—въ изобрѣтеніи разнаго рода мученій...

Еще до наступленія того времени, когда наше Солнце, Солнце правды, зашло во гробъ, сложило свою голову за правду предѣла Солнца. Всѣ мы хорошо помнимъ потрясающія подробности его смерти Іоаннъ уже сидѣлъ въ темницѣ, куда былъ посаженъ Иродомъ четвертовластникомъ за то, что обличалъ того за женитьбу на женѣ родного брата Иродіадѣ. Тѣмъ временемъ Иродъ устроилъ пиръ по случаю дня своего рожденія. Во время пира дочь Иродіады такъ угодила Ироду своею пляской, что онъ съ клятвою обѣщалъ дать ей, чего ни попроситъ. Она же, по наущенію матери своей, сказала: дай мнѣ здѣсь на блюдѣ голову Іоанна Крестителя. И опечалился царь: онъ зналъ, что Іоаннъ мужъ праведный и святой, и берегъ его,—многое дѣлалъ, слушаясь его, и въ сладость бесѣдовалъ съ нимъ (Мрк. 6, 20), что, впрочемъ, не мѣшало ему въ минуты раздраженія противъ Іоанна желать его смерти, и если бы онъ

не боялся народа, среди котораго почитали Иоанна за пророка, то, можетъ быть, Иоанна давно бы уже не было въ живыхъ (Мо. 14, 5). Какъ бы то ни было, но теперь, когда нужно было произнести страшное слово, которое бы окончательно рѣшило участь Иоанна, царь опечалился: даже и его развращенному сердцу не легко было помириться съ насильственной смертію праведника и притомъ изъ-за изысканно-жестоконъ прихоти изысканно-жестоконъ женщины, но,—повѣствуетъ евангелистъ,—ради клятвы и *возвѣщающаго съ нимъ* не рѣшился отступитъ отъ своего безумнаго слова: послать отецъ Иоанну голову въ темницѣ. Какъ прежде изъ-за страха передъ народомъ удерживался отъ убійства Иоанна, такъ теперь, изъ-за того же страха, но только уже не передъ народомъ, а передъ гостями, приказалъ отецъ голову чловѣка, котораго самъ же считалъ мужемъ праведнымъ и святымъ.

Такъ, бр., въ обоихъ потрясающихъ событіяхъ—и въ преданіи на смерть Христа, и въ утѣкновеніи главы Его Предтечи, страхъ передъ тѣмъ, что скажутъ, въ первомъ случаѣ—цесарь, во второмъ—народъ или гости, собравшіеся на пирь, оказался тяжестью, окончательно и безповоротнѣ опредѣлившей наклонъ воли тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находилась земная судьба Христа Спасителя и Иоанна Предтечи, въ сторону злаго дѣла: что скажетъ цесарь? какъ бы изъ-за оправдательнаго приговора не лишиться мѣста? что скажетъ народъ? какъ бы своими дѣйствіями не вызвать возмущенія въ народѣ? что скажутъ гости? какъ бы не осудили за нарушеніе клятвеннаго слова? Что скажутъ, какъ бы не осудили, какъ бы не лишили мѣста—и эти мелкія, недостойныя побужденія оказываются могущественною силой въ душѣ людей, созданныхъ по образу и подобію Божію, призванныхъ украшать землю своимъ богоподобнымъ достоинствомъ! Больно и страшно,—за чловѣка страшно... Неужели можетъ чловѣкъ, об-

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

разъ и подобіе Божіе, вѣнецъ творенія, малымъ чѣмъ умаленный отъ ангеловъ, спуститься до такихъ низкихъ нравственнаго паденія, что ясный и неподкупный голосъ внутренняго убѣжденія, голосъ совѣсти не въ силахъ превозмочь опасеніе за то, что скажутъ другіе, выше ли, ниже ли насъ стоящіе, но располагающіе силой, достаточной для того, чтобы поколебать наше земное благополучіе? Увы, бр., можетъ, и не только человѣкъ-язычникъ, но и человѣкъ-христіанинъ. По милости Божіей, мы, бр., не омочили своихъ рукъ въ неповинной крови нашихъ ближнихъ, и въ этомъ смыслѣ мы—не Ироды и не Пилаты, но многіе ли изъ насъ рѣшатся сказать, что надъ нами не имѣютъ никакой силы такого рода опасенія: а что обо мнѣ скажутъ, что подумаютъ, если я поступлю такъ-то и такъ-то? а не осмѣютъ ли? а не сожгутъ ли? а не изобьютъ ли? а не обойдутъ ли наградой или чиномъ? а не лишатъ ли мѣста? И вотъ мы позорно молчимъ тамъ, гдѣ, словно труба, долженъ бы звучать нашъ убѣжденный голосъ, и опасливо отступаемъ на заднія позиціи тамъ, гдѣ должны бы грудью стать на защиту попираемой правды, и если кто-либо изъ насъ рѣшается идти на борьбу за правду, мы, можемъ быть, и одобряемъ его въ душѣ, но не идемъ вмѣстѣ съ нимъ, и падаетъ онъ на своемъ пути, одинокій, поруганный, обездоленный, обезсиленный. А мы, подобно Пилату, умываемъ свои руки передъ народомъ: не повинны-де мы въ его гибели, вольно же ему было бросаться впередъ, не рассчитавши ни своихъ силъ, ни силъ своихъ противниковъ, и по прежнему сидимъ въ своихъ теплыхъ уютныхъ углахъ, и не смущаемся тѣмъ, что эти уютные углы освѣщены лампадою передъ окровавленнымъ образомъ Того, Кто, одинокій, взошелъ на крестъ насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія. Нѣтъ, намъ тепло, спокойно, уютно въ этомъ углу: страдальческій образъ такъ трогаетъ, тихая лампадка проливаетъ въ душу тихую отраду. И не замѣчаемъ мы, что

становится для насъ Евангеліе предметомъ лишь душевнаго умиленія, грѣющаго сердце, а не глубокаго раздумья, проникающаго до самыхъ глубинъ души, переворачивающаго ее до дна, измѣняющаго, кореннымъ образомъ измѣняющаго направленіе ея воли, направленіе всей ея жизни, а „прозрачный сумракъ, лучъ лампады, кивотъ и крестъ, символъ святой“, оказываются для насъ прежде всего и главнымъ образомъ составными частями той обстановки, которая грѣетъ, ласкаетъ, баюкаетъ, того уюта, которымъ мы такъ дорожимъ, ради котораго мы такъ чутко прислушиваемся къ тому—а что о насъ скажутъ тамъ, на верху, или здѣсь, около насъ? И незамѣтно, мало-по-малу отчуждаемся мы отъ той мысли, что христіанство есть не тихое только мерцаніе ласкающей лампады, но и огонь поядающій, что не миръ Христосъ принесъ на землю, но мечъ, что кто хочетъ тѣснѣйшимъ образомъ соединиться со Христомъ въ не вечернемъ дни Его царствія, тотъ долженъ пройти съ Нимъ по крестному пути вплоть до Голгофы, что земля есть поприще непрестанной борьбы добра со зломъ, вслѣдствіе чего человѣческая жизнь на землѣ, въ какомъ бы масштабѣ мы ее ни взяли—будетъ ли то жизнь отдѣльнаго лица, цѣлаго народа, наконецъ, всего человѣчества, представляетъ собою не мирную, ласкающую идиллію, а суровую, тяжелую драму, возвышающуюся порою до потрясающаго трагизма... Мы охотно слушаемъ евангельскій рассказъ о страданіяхъ нашего Спасителя, легко умиляемся надъ нимъ и, мысленно сопутствуя Божественному Страдальцу, искренно плачемъ вмѣстѣ съ безпредѣльно преданными Ему женами, вмѣстѣ съ глубоко о Немъ скорбѣвшими мужами, и хорошо, конечно, что мы не утратили еще способности плакать надъ безконечно трогательными страницами Евангелія: нужно окаменѣть сердцемъ, чтобы утратить эту способность. Но если опасно, бр., потерять способность плакать тамъ, гдѣ только каменное сердце можетъ не плакать, то не менѣе

опасно и слишком переоценивать значеніе своихъ слезъ: хорошо, если онѣ служатъ показателемъ—не скажу, безповоротной рѣшимости, но хотя бы—полной готовности покончить съ соблазномъ идилліи, тѣмъ болѣе опаснымъ, чѣмъ незамѣтной онѣ подкрадывается, и вступить на тернистый путь крестоношенія,—хорошо, если такъ, а что, если нѣтъ? что тогда?!

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ. Каковы мы, таковы и наши дѣти. Вѣдь они—плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ. . О, мы много силъ и средствъ отдаемъ имъ, для многихъ изъ насъ они—все: для нихъ мы работаемъ до изнеможения, отказываемъ себѣ въ необходимомъ, не досыпаемъ и не доѣдаемъ,—все для нихъ... Для нихъ! Но что это значитъ—*для нихъ*? А это сплошь да рядомъ значитъ то, чтобы они въ большей мѣрѣ, чѣмъ мы, пользовались благами міра сего—достаткомъ, уютомъ, солиднымъ общественнымъ положеніемъ и, если возможно, совсѣмъ не испытывали бы тѣхъ лишений и огорченій, которыя выпадали на нашу долю. Мы все дѣлаемъ для того, чтобы доставить имъ тѣ блага, ради которыхъ Иродъ не рѣшился пойти наперекоръ своимъ гостямъ, ради которыхъ Пилатъ пожертвовалъ чистотой своей совѣсти. О, мы искренно умиляемся, когда такъ сладкогласно поютъ о томъ, Иже не имѣетъ, гдѣ главы поклонити, и не менѣе искренно осуждаемъ того, кто слишкомъ цѣнилъ свой покой, слишкомъ дорожилъ своимъ общественнымъ положеніемъ, чтобы устоять передъ страхомъ кесаревой немилости, и все-таки мы больше всего боимся того, какъ бы нашимъ дѣтямъ не пришлось жить, не имѣя гдѣ главы поклонити, и больше всего хотимъ того, чтобы они имѣли хорошее матеріальное обезпеченіе и прочное общественное положеніе. Видно, иное дѣло умиляться, иное дѣло—подражать: для насъ достаточно того, что мы умиляемся нравственною красотой Того, Кто не имѣлъ, гдѣ главы поклонить; что же касается подражанія Ему—то мы предоставляемъ это

дѣло кому-либо другому, только не намъ самимъ, только не нашимъ дѣтямъ... Нѣтъ, мы будемъ учить ихъ житейскому благоразумію, мудрому умѣнью держаться золотой середины, практически весьма пригодному искусству приспособляться къ людямъ, къ обстоятельствамъ... И все-таки мы будемъ повторять и искренно повторять, что мы не Ироды, что мы не Пилаты: мы-де не проливали неповинной крови. Но, быть можетъ, мы осторожнѣе бы стали повторять это, если бы подумали о томъ, что основной чертой, которая сдѣлала одного убійцей величайшаго изъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, другого—убійцею Единаго Безгрѣшнаго, было то, что они не „живый вѣкъ“ возлюбили, но „сей вѣкъ, притворный, привременный“,—потому-то они такъ боялись того, что скажетъ народъ, что подумаетъ кесарь. А мы? развѣ мы далеко ушли отъ нихъ въ оцѣнкѣ сего міра съ его благами? развѣ о вѣчномъ мы помышляемъ больше, чѣмъ обо временномъ? И выходитъ, что мы,—можетъ быть, сами не сознавая того,—идемъ по тому же самому пути, по какому шелъ Иродъ, по какому шелъ Пилатъ, и хотя мы и не доходимъ, по милости Божіей, до его послѣднихъ предѣловъ, все жъ таки не слѣдуетъ забывать, что опасный это путь,—опасный и страшный: разъ вступивши на него, можно, незамѣтно для самихъ себя, дойти въ концѣ концовъ до такихъ ужасовъ пошлости или безсердечія, отъ какихъ мы сами содрогнулись бы въ началѣ пути. Страшно видѣть на этомъ пути Ирода или Пилата, но еще страшнѣе видѣть тамъ же кого-либо изъ насъ, христіанъ, и это именно потому, что мы—христіане, тогда какъ тѣ не были христіанами. Намъ дано безконечно больше, нежели имъ, но за то и отвѣтственность наша передъ совѣстію и передъ Богомъ больше, чѣмъ ихъ: кому много дано, съ того много и взыщется. Надъ этимъ надо намъ серьезно подумать.

Человѣческая память доселѣ хранить, и свято хранить, достовѣрное преданіе о древнемъ языческомъ мудрецѣ и общественномъ дѣятелѣ, который былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что онъ отрицалъ боговъ и развращалъ юношество. Обвиненіе было ложнымъ, но такъ какъ среди судей мало было такихъ, которые смогли бы отнестись къ подеудимому безпристрастно, то надъ нимъ нависла опасность быть приговореннымъ къ смертной казни. Однако ему не трудно было бы избѣгнуть нависшей опасности: стоило только промолчать тамъ, гдѣ внутреннее убѣжденіе заставляло говорить, или обратиться къ суду съ просьбой о помилованіи—и смертная казнь была бы замѣнена штрафомъ, а можетъ быть и совсѣмъ бы отмѣнена, но Сократъ—такъ звали человѣка, о которомъ рѣчь,—смотрѣлъ на дѣло такъ, что жизнь человѣка должна быть угожденіемъ не людямъ, не себѣ самому, а Богу, и потому считалъ для себя невозможнымъ сдѣлать, вопреки внутреннему убѣжденію, уступку своимъ обвинителямъ и судьямъ: это значило бы людямъ повиноваться больше, чѣмъ Богу, и смерти бояться сильнѣе, нежели нравственной порчи. Онъ считалъ это недостойнымъ человѣка. „Ни на судѣ, ни на войнѣ, ни мнѣ, ни кому-либо другому,—говорилъ онъ,—не слѣдуетъ избѣгать смерти всякими способами безъ разбора. Отъ смерти-то можно иной разъ уйти“ даже и на войнѣ, „или бросивъ оружіе, или начавши умолять преслѣдующихъ: много есть и другихъ способовъ избѣгать смерти, въ случаѣ какой-либо опасности, для того, кто отважится дѣлать и говорить все“, даже противное его внутреннимъ убѣжденіямъ,—„отъ смерти уйти не трудно, а вотъ что гораздо труднѣе—уйти отъ нравственной порчи, потому что она идетъ скорѣе, чѣмъ смерть“. Не смерти боялся Сократъ: смерти все равно не избѣжишь,—больше всего онъ боялся нравственной порчи, и потому предпочелъ умереть съ чистою совѣстію, нежели съ запятнаною остаться въ живыхъ.

Но къ чему я говорю о смерти язычника здѣсь, подъ сѣнію христіанскаго храма. гдѣ мы только-что прослушали разсказъ о смерти нашего Спасителя? Говорю, бр., памятуя слова Спасителя. „Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ,—говорилъ Христосъ, обличая іудеевъ,—и осудятъ его; ибо они покаялись отъ проповѣди Іониной, и вотъ, здѣсь больше Іоны. Царица южная возстанетъ на судъ съ родомъ симъ, и осудитъ его; ибо она приходила отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой, а вотъ, здѣсь больше Соломона“ (Мѣ. 12, 41—42). Въ этихъ словахъ, обращенныхъ къ іудеямъ, не произнесенъ ли судъ и надъ нами, бр., хотя мы и любимъ подчеркивать, что мы лучше іудеевъ? Богъ нашъ не есть Богъ мертвыхъ, а Богъ живыхъ. У Бога всѣ живы,—живъ и Сократъ, и предстанетъ онъ вмѣстѣ съ нами на судъ Божій, какъ предстанутъ ниневитяне и царица южная, и не осудитъ ли онъ, не измѣнившій своимъ убѣжденіямъ даже передъ лицомъ смерти, не осудитъ ли онъ своимъ молчаливымъ присутствіемъ на судѣ Божіемъ насъ, родившихся и выросшихъ въ нѣдрахъ церкви Христовой, съ рожденія носящихъ на груди крестъ Христовъ, съ дѣтскихъ лѣтъ взирающихъ на чистѣйшій Ликъ нашего Спасителя и внимающихъ Его святѣйшему слову, охотно подчеркивающихъ, что мы-де не то, что язычники или іудеи? Вѣдь, намъ, бр., дано неизмѣримо больше, нежели тому языческому мудрецу: мало того, что мы знаемъ Христа, Котораго не знали ни ниневитяне, ни царица южная, ни ассирийскій мудрецъ—мы облечены во Христа, ибо „олицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь“; у насъ въ рукахъ книга, хранящая въ себѣ глаголы живота вѣчнаго—книга, которой не было у нихъ,—святое Евангеліе; передъ нами цѣлый сонмъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, которые умерли, не получивъ обѣтованій, а лишь издалека взирая на нихъ, которые „были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткамъ: умирали отъ меча; скитались по пу-

стынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли, терши недостатки, скорби, озлобленія"—а вѣдь это были люди, ихже не бѣ достоинъ весь міръ,—и которые тѣмъ не менѣе не потеряли вѣры—всеѣ они, по слову апостола, умерли въ вѣрѣ и, хотя не дожидались исполненія обѣтованій, все-таки радовались, съ вѣрою взирая на нѣ исполненіе въ будущемъ, и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ, и своею крѣпкою вѣрою творили чудеса вѣры: побѣждали царства, содѣлавали правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ, угашали силу огня, избѣгали острія меча, укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки на войнѣ, прогоняли полки чужихъ (Евр., гл. 11); передъ нами—дальше—ликъ новозавѣтныхъ исповѣдниковъ и мучениковъ, своею кровію, словно багрянницею и виссономъ, украсившихъ церковь Христову, и своими страданіями, инею и мученическою смертію запечатлѣвшихъ вѣрность Христу,—соборъ святыхъ мужей, открыто и мужественно говорившихъ правду въ лицо тѣмъ, отъ которыхъ зависѣла ихъ земная судьба, каковы, напр. св. Василій Великій, своимъ спокойнымъ и полнымъ достоинствомъ мужествомъ посрамившій царскаго вельможу Модеста, угрожавшаго ему лишеніемъ имущества, ссылкой, наконецъ смертію, или нашъ отечественный святитель-страдалецъ, московскій митрополитъ Филиппъ: „только молчи,—говорилъ ему царь, едва сдерживаясь отъ гнѣва (это былъ Іоаннъ Грозный),—одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святой, молчи и благослови насъ“,—„наше молчаніе,—отвѣчалъ святитель,—грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ“, и не переставалъ обличать грознаго и жестокаго царя до тѣхъ поръ, пока не былъ сосланъ въ отдаленный монастырь, гдѣ и нашелъ потомъ мученическую смерть; для насъ, наконецъ, открыты двери храмовъ Божіихъ, гдѣ неоскудно хранятся и преизобильно преподаются всемъ требующимъ сокровища жизни вѣчной... Все это дано намъ, бр., и что мы скажемъ въ свое оправданіе, когда вмѣстѣ съ ниневитянами, съ ца-

рицей савской, съ афинскимъ мудрецомъ предстанемъ на величепріятный судъ Божій? Грозный это вопросъ! Но, какъ онъ ни грозенъ, не будемъ уклоняться отъ него—все равно не убѣжимъ отъ него: если не здѣсь, то тамъ онъ настигнетъ насъ; станемъ лучше передъ нимъ лицомъ къ лицу, не для того, чтобы остолебѣть передъ нимъ въ подавляющемъ смущеніи, а для того, чтобы оглянуться на свою жизнь, всмотрѣться въ то, чѣмъ мы живемъ, чему служимъ, куда идемъ, и, пока еще не поздно,—а пока еще не поздно,—напрячь все свои силы къ тому, чтобы какъ можно скорѣе взять и какъ можно крѣпче держаться въ нашей жизни и дѣятельности единственно истиннаго и по тому самому единственно истиннаго, единственно спасительнаго направленія. Не было оно совершенно невѣдомымъ, какъ мы уже отчасти и видѣли, языческому міру, но со всею ясностью и опредѣленностью указано оно въ Словѣ Божіемъ. И состоитъ оно въ томъ, чтобы служить не себѣ самому, не своему земному, временному благополучію, не бѣднымъ и немощнымъ стихіямъ міра сего, но—Богу, Единому Сильному, Единому Безсмертному, Единому Святому, Единому Благому,—Тому, Кто служить живымъ средоточіемъ всѣхъ истинныхъ благъ и всѣхъ подлинныхъ цѣнностей,—Тому, Кого мы называемъ въ ежедневной молитвѣ своей „сокровищемъ благихъ“ и „Духомъ истины“.—Тому, Кто сказалъ о себѣ, что Онъ есть путь, истина и жизнь: Господу Богу твоему поклонишия и Тому единому послужиши—таковъ завѣтъ единственно достойной человѣка жизни, огненными письменами начертанный еще на страницахъ ветхозавѣтной Библии (Второз. 6, 13) и ясно, отчетливо, непрекаемо провозглашенный Христомъ передъ Его выступленіемъ на крестный путь общественнаго служенія (Мѡ. 4, 10). Въ безраздѣльной преданности, въ безповоротномъ служеніи Богу, какъ высочайшей истинѣ, безусловному добру, неизреченной красотѣ, и только въ этомъ, че-

повѣкъ найдеть и неисчерпаемую полноту жизни, и непреходящее блаженство, котораго тщетно ищетъ въ преходящихъ благахъ міра сего, притворнаго, привременнаго.

О, если бы прониклись мы великимъ завѣтомъ безраздѣльной преданности и безповоротнаго служенія небѣднымъ и немоцнымъ стихіямъ міра сего, а тѣмъ великимъ и непреходящимъ благамъ, которыя сокрыты въ Богѣ! Тогда не страшны намъ были бы человѣческія угрозы, тогда и въ голову намъ не приходилъ бы опасливый вопросъ: а что скажутъ о насъ другіе? тогда не смущались бы мы при мысли о лишеніи мѣста, потерѣ имуществъ,—не дрогнуло бы тогда наше сердце даже передъ лицомъ смерти: кто боится Бога, тотъ, бр., больше уже ничего и никого не боится. Можно ли смутить суетнымъ приговоромъ человѣческой молвы того, кто непрестанно помнитъ о томъ, что ему придется держать отвѣтъ на праведномъ и нелицепріятномъ судѣ Божіемъ? Можно ли испугать лишеніемъ временныхъ благъ, будутъ ли то почести, богатство или даже простой достатокъ, тепло, уютъ семейной жизни,—можно ли испугать лишеніемъ этихъ благъ того, кто открыто и смѣло глядитъ даже въ лицо самой смерти? Можно ли увлечь призрачнымъ блескомъ временныхъ благъ того, кто хоть разъ въ жизни узрѣлъ неизреченную красоту вѣчныхъ, непреходящихъ благъ, кто постигъ святую прелесть неподкупной мысли, доброй совѣсти, вѣрности своему долгу даже до смерти? Могучая и благотворная сила страха Божія,—не тотъ рабскій, мучительный страхъ, который заставляетъ человѣка трепетать за свою судьбу, а тотъ благородный, возвышенный страхъ, который, истекая изъ благоговѣнія передъ величіемъ добра и правды, передъ благолѣпіемъ святости, заставляетъ человѣка повергаться ницъ передъ Богомъ въ священномъ трепетѣ: вѣній еси, Господи, и чудна дѣла твоя, и ни сдѣлаю же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ! Тотъ страхъ, который, принимаясь, обнимаетъ душу, а

этотъ возвышаетъ ее, окрыляетъ, вспоминаетъ непоколебимымъ мужествомъ и несокрушимою силой: Господь—прощеніе и спаситель мой,—кого убоюсь? Господь защититель живота моего,—отъ кого усташуся? (Псал. 26, 1). Если бы мнѣ пришлось итти и посреди сѣни смертной, я и тогда не убоился бы зла, ибо Господь и тамъ будетъ со мною (см. Псал. 22, 4). Таковъ гонимъ челоѣка, который не боится никого, кромѣ Бога одного...

По истинѣ, блаженъ мужъ, бояйся Господа (Псал. 111, 1).

О, бр., если бы намъ стяжать страхъ Божій!

Господи, страхъ Твой всади въ сердца наша!

П. Кудрявцевъ.